

УДК 902, 930.2

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ С.И. РУДЕНКО В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ

Л. Ю. Китова

THEORETICAL VIEWS OF S. I. RUDENKO IN THE FIELD OF ARCHEOLOGY

L. Yu. Kitova

В статье анализируются теоретические воззрения выдающегося отечественного исследователя С. И. Руденко (1885–1969) в области археологии на фоне развития методологии естествознания и гуманитарной науки конца XIX в. – начала XX в. Вводятся в научный оборот неизвестные архивные материалы, характеризующие взгляды исследователя.

The paper discusses theoretical views of an outstanding Russian researcher S. I. Rudenko (1885–1969) in the field of archeology against the background of developing methodology of the natural science and the humanities in the late XIX – early XX centuries. Some previously unknown archive materials, characterizing the researcher's views, are introduced into scientific use.

Ключевые слова: эволюционизм, палеоэтнологическое направление, комплексный подход.

Key words: evolutionism, paleoethnological school, complex approach.

Сергей Иванович Руденко (1885–1969) – одна из самых ярких и харизматичных фигур отечественной науки 1920–1960 гг. С одной стороны, он не нуждается в представлении. Его роли в развитии археологии, этнографии, антропологии Северной Евразии посвящен не один десяток статей [20; 17; 19 и др.]. С другой стороны, исследователи по-разному оценивают теоретические воззрения С. И. Руденко. Автором этих строк одной из первых отмечены комплексный подход и палеоэтнологическое направление исследований С. И. Руденко [12, с. 5], позже часть материалов о жизни и научной деятельности С. И. Руденко была включена мною в монографию по истории сибирской археологии 1920–1930-х гг. [13, с. 33–37, 72–73, 91–96]. И. Л. Тихонов, изучая процесс становления и развития археологической науки в Санкт-Петербургском университете, посвятил статью, а также отдельный параграф своей книги палеоэтнологической школе Ф. К. Волкова и его учеников, в том числе и С. И. Руденко [28, с. 53–64; 29, с. 115–130]. Алтайский государственный университет ввел хорошую традицию проведения научных конференций памяти исследователя, к которым готовятся специальные доклады по неопубликованным архивным материалам, и неизвестные данные вводятся в научный оборот [11; 21]. Тем не менее, несмотря на продолжительное изучение научного наследия С. И. Руденко, до сих пор ему приписывают приверженность позитивизму, историческому материализму и даже марксизму [30, с. 34]. Исследователи находят редкие примеры использования им марксистского метода восхождения [18, с. 54; 27, с. 23–24].

Одной из последних монографических работ, посвященных Руденко, стала кандидатская диссертация О. Г. Шмидт «Археологические исследования С.И. Руденко в Северной Евразии» (2006). Автор в отдельной главе исчерпывающе проанализировала комплексный подход в научной деятельности Руденко, сторонника палеоэтнологического направления [31]. Однако и в настоящее время, изучая вклад ученого в разработку проблем общественного строя населения древнего Алтая, исследователи выявляют его приверженность принципам эволюционной тео-

рии и исторического материализма и считают, что на взгляды С. И. Руденко «не могли не оказывать влияние выработанные в советском кочевниковедении в 1930-х – начале 1950-х гг. идеологические догмы» [10, с. 139]. Так, например, цитирую: «В частности, среди советских ученых господствовало мнение, что «пазырыкцы» не «дотягивали» по имеющимся в их культуре признакам до уровня рабовладельческой формации. В связи с этим возникла необходимость обоснования более низкого развития номадов Горного Алтая. Особенно отчетливо такая тенденция наблюдается в монографиях С. И. Руденко, изданных в 1952 и 1953 гг. В этих работах в качестве определенного теоретического обоснования своих выводов по вопросам социальной истории ученый в ряде случаев ссылается на работы И. В. Сталина» [10, с. 139].

Почему С. И. Руденко попал в разряд ученых, которые дискутировали о том, достигли ли «пазырыкцы» уровня рабовладельческой формации или нет? Если коллеги имели в виду цивилизованных ближневосточных соседей «пазырыкцев», то в данном случае С. И. Руденко не нужно было ничего доказывать, и так все различия налицо: в середине XX в. уже существовал большой комплекс археологических и письменных источников по древней истории Передней Азии. Если же в такой словесной форме выражена идея Руденко о том, «что уровень общественного и культурного развития горных алтайских племен и их западных соседей был неодинаков», то С. И. Руденко обосновал свою точку зрения не ссылкой на работу Сталина, а опять же археологическими и письменными источниками, известными на тот период [24, с. 269–270]. И уж совершенно невозможно представить цитату И. В. Сталина о том, что развитие языков идет по линии «от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным», обоснованием выводов по вопросам социальной истории пазырыкцев. Сталинская риторика просто служила прикрытием взглядов С. И. Руденко. И использовал он ее только в единственной работе 1953 г. [24, с. 7, 270], ни в каких других книгах, в том числе широко

известных трудах 1949, 1952, 1960 и 1961 гг., ссылок на сочинения классиков марксизма-ленинизма нет [22; 23; 25; 26]. В отличие от археологической молодежи С. И. Руденко не изобретал новый марксистский метод в археологии – метод восхождения (А. Я. Брюсов, А. В. Арциховский, А. П. Смирнов, С. В. Киселев), не искал черты рабовладения и феодализма на Енисее (С. В. Киселев).

Почему же современные исследователи часто приписывают марксистские взгляды ученым, сформировавшимся до революции? Здесь я вижу три причины. Первая заключается в том, что в отечественной археологии всегда были и сейчас остаются неразработанными вопросы теории, методологии и истории науки. Вторая кроется в методологической эклектике российской археологии, которая не была уничтожена даже в советское время. Наша наука не стала теоретически унифицированной ни после Октября 1917 г., ни после проведения культурной революции и введения советской «имперской» идеологии единомыслия. И третья причина состоит в том, что некоторые российские археологи убеждены, что теория (методология) археологической науки началась с эволюционизма, сменившегося затем марксизмом и историческим материализмом. Однако история теоретической мысли в российской археологии намного богаче и сложнее.

С. И. Руденко принадлежал к тому поколению ученых с дореволюционным стажем, чей интеллектуальный багаж не исчерпывался марксистскими догмами.

Позволю себе напомнить, что С. И. Руденко, дворянин по происхождению, получил классическое образование, обучаясь в гимназии, а затем на естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета (1904–1910), где такие науки как антропология, этнография и археология он изучал в комплексе. Его учителем был Ф. К. Волков, создатель палео-этнологической школы в Петербурге. Термин «палеоэтнология» появился в России из Франции. Эволюционист Г. Мортилье (1821–1898) называл так первобытную археологию эпохи камня, определяя «её промежуточное положение между естественной историей (эволюционной биологией, геологией и др.) и социокультурной историей (как историей «цивилизации»)» [14, с. 49]. Ф. К. Волков считал палеоэтнологию наряду с физической антропологией и этнографией одним из компонентов антропологии в целом.

Палеоэтнологическое направление развивалось в России под влиянием эволюционной теории. Эволюционизм как течение пришел в археологию из биологии. Благодаря трудам Чарльза Дарвина «Происхождение видов» (1859) и «Происхождение человека и половой отбор» (1871) была выявлена взаимосвязь всех форм жизни, определено единство человеческого рода и убедительно обоснована материалистическая теория развития всего живого на земле. Становление первобытной археологии в России было вплотную связано с формированием в области естествознания взглядов о закономерном развитии, основанном на методологии эволю-

ционизма. Эволюционизм позволил на философском уровне объединить историю и естествознание и создать новое научное обоснование идеи прогресса общественного развития. Апогеем эволюционизма в исследовании истории культуры стали работы Эдуарда Тайлора «Первобытная культура» (1871) и «Антропология. Введение в изучение человека и цивилизации» (1881). В них был предложен комплекс идей, которые стали методологической основой для объединения этнографии и археологии, антропологии и истории культуры при изучении человеческого общества и культуры на ранних этапах развития [16, с. 120]. Основы историко-материалистической концепции первобытного общества были заложены американским историком и этнографом Льюисом Генри Морганом. Он в работе «Древнее общество» (1877) обстоятельно изложил социокультурную периодизацию первобытной истории и показал, как основная социальная ячейка первобытного общества – род развивается от архаичной (материнской) к позднейшей патриархальной форме. Морган выдвинул тезис о всемирно-исторической закономерности этого процесса [16, с. 121]. В России труд Л. Моргана приобретает широкую популярность. Уже в 1878–1879 гг. публикуются две статьи Д. А. Коропчевского с детальным изложением существенной части сочинения Моргана. Под влиянием учения Моргана были проведены оригинальные исследования русских ученых В. В. Сокольского, Н. И. Зибера, В. В. Ефимова, М. Ковалевского [15, с. 197–207].

Один из основоположников марксизма Фридрих Энгельс, используя периодизацию Моргана, в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) определил место первобытного общества в системе социально-экономических формаций. Главным достижением в исследовании теоретических проблем первобытности стала идея Энгельса об общественном разделении труда, согласно которой каждое новое свершение в экономике приводило к изменению в социальной структуре. Как отметил Г. С. Лебедев: «современная Энгельсу наука о первобытности приняла положение о закономерном эволюционном соотношении различных общественных структур, об исторически обусловленном сосуществовании обществ, находящихся на разных ступенях социального развития, о принципиальном единстве исходных стадий этого развития» [16, с. 122]. В конце XIX в. часть исследователей восприняла идеи Моргана – Энгельса как передовые.

В Европе в этот период эволюционизм как методологическая основа науки уже изжил себе. Он не давал необходимых методов для изучения специфических черт развития конкретных древних обществ и культур. На смену эволюционизму пришла философия позитивизма, которая предоставила возможность этнографам и археологам определять особенности локального развития, выявлять взаимодействия культур и культурные изменения.

В России распространение позитивизма произошло позже. Отечественных философов больше

интересовали вопросы поиска путей развития России, ее места и роли в историческом процессе, общетеоретические проблемы рассматривались редко. Тем не менее, в конкретных науках предлагались свои методологические подходы. Одно из самых передовых направлений исследования было предложено ведущим антропологом Д. Н. Анучиным. Не отказываясь целиком от эволюционизма, он широко применял сравнительно-исторический метод и комплексный подход в изучении проблем древнего человека. Человек признавался одной из составляющих природной среды, и для полноценной характеристики его жизни необходимы были изыскания в области естествознания. С именем Д. Н. Анучина связано становление палеоэтнологической школы в Москве, а также идея комплексных исследований по археологии, этнологии и антропологии в сочетании с изучением естественной среды обитания древнего человека.

В Петербурге, как отмечено выше, палеоэтнологическое направление возглавлял Ф. К. Волков. Он передал Руденко свое понимание палеоэтнологии. Это – изучение «происхождения и развития человечества в физическом и бытовом отношении во времена, предшествовавшие появлению исторических сведений» [29, с. 117]. В рамках небольшой статьи я не буду останавливаться на всех моментах формирования палео-этнологических взглядов Руденко в период обучения, тем более что этот вопрос уже достаточно освещен в литературе [29, с. 117–126].

Важно только отметить, что С. И. Руденко успел перед I Мировой войной познакомиться с передовыми достижениями европейской науки. Он относился к тем претендентам на профессорское звание, которые еще могли получить магистерскую стажировку за границей. В 1913–1914 гг. С. И. Руденко в Париже слушал лекции известных профессоров в Антропологической школе, Сорбонне (Парижский университет), Океанографическом институте, а также под руководством профессора Л. Мануврие (Антропологическая школа) разрабатывал специальную тему: «Сравнительная морфология таза приматов и человека в связи с его переходом к вертикальному положению» [8, л. 3, 16–17]. В 1913 г. С. И. Руденко был избран членом Парижского Антропологического общества, участвовал в его заседаниях, в дискуссиях, неоднократно выступал с научными докладами. В последующем его доклады были опубликованы в Бюллетенях этого общества, он принимал участие в работе антропологического съезда в Ниме (Франция) и международном этнологическом конгрессе в Невшателе (Швейцария) [9, л. 96].

К моменту возвращения на родину С. И. Руденко – сложившийся ученый, широко образованный, имеющий глубокие познания не только в области антропологии, археологии, этнографии, но и в таких смежных науках как география, геология. В январе 1915 г. он был назначен преподавателем кафедры географии и антропологии Петроградского университета, читал лекции по антропологии на Высших Бестужевских курсах и в Географическом институте. Руденко состоял членом Императорского Рус-

ского географического общества, Русского антропологического общества. По просьбе профессора М. И. Ростовцева он в 1915 г. произвел раскопки знаменитых Прохоровских курганов. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете в 1916 г. присудило ему премию имени Великого князя Сергея Александровича за совокупность трудов по антропологии и этнографии России. В этом же 1916 г. С. И. Руденко были присуждены Советом Томского университета две премии по социологии и антропологии за работу «Антропологические исследования инородцев Северо-Западной Сибири». С 1917 г. Руденко являлся ученым секретарем Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (КИПС). Важное событие в профессиональной жизни Руденко произошло декабре 1917 г., когда ученым советом Московского университета ему была присуждена степень магистра по итогам диспута за изданную в 1916 г. работу «Башкиры. Опыт этнологической монографии» [9, л. 96–96 об.].

Свои главные археологические открытия – Пазырыкские курганы (1924), С. И. Руденко сделал в Сибири. Исследование памятников мирового значения на Горном Алтае продолжалось в 1927 и 1929 гг. до ареста С. И. Руденко в 1930 г. Вернуться на Алтай исследователь смог только в 1947 г., изыскания длились до 1954 г. Основные результаты деятельности С. И. Руденко опубликованы в фундаментальных монографиях 1953 и 1960 гг. и ряде других работ [22; 23; 24; 25; 26].

Специальных теоретических работ С. И. Руденко не писал, но это не означало, что он перестал следовать палеоэтнологической парадигме и руководствоваться комплексным подходом в исследованиях. В рамках небольшой статьи я только остановлюсь на неизвестных архивных материалах и введу их в научный оборот.

Особенно ярко проявились взгляды С. И. Руденко в выступлении о создании музея истории человечества. Он его замыслил как музей антропологии в широком смысле слова, соединяющий современные данные нескольких наук: физической антропологии, этнографии, археологии, географии, биологии. В таком музее, по замыслу С. И. Руденко, будут экспонироваться ископаемые и современные приматы; человек будет представлен в развитии; с помощью многочисленных препаратов, слепков, фотографий и красочных иллюстраций будут показаны возрастные, половые и расовые отличия людей. В музее, по его мнению, должен быть воссоздан облик представителей различных этнических групп, приведены в таблицах изменения строения человеческого тела во времени, а на географических картах отображено распространение в пространстве отдельных видов человека. Рассматривая природу как полноценный источник, С. И. Руденко полагал, что особое место должно быть уделено влиянию окружающей среды на строение человеческого тела. В экспозиции должна быть представлена физиология размножения, питания и труда человека [1, л. 1–3]. С. И. Руденко считал, что археологические и

этнографические источники дополняют друг друга и между ними можно проводить аналогии. Это явствует из всех его работ, об этом он прямо писал в 1920-е гг.: «Воспроизведение быта прошлых времен возможно только отправляясь от известного изучения быта современного нам человечества». С. И. Руденко исходил из двух предпосылок: 1) если в древности и в этнографической современности у народов встречаются похожие орудия и другие предметы быта, то древние и этнографические предметы принадлежат к одной культурной группе; 2) по аналогии с современным бытом можно делать заключение и о древней социальной организации, «сходство в вещественных остатках свидетельствует о сходстве и в общественных обычаях» [1, л. 4–3]. При этом он предостерегал от отождествления понятий «этнос» и «археологическая культура»: «этническая группа и культура не совпадают между собой» [2, л. 7].

Сохранились некоторые замечания общего порядка, согласно которым С. И. Руденко в 1920-е гг. являлся страстным поборником сциентизма, расценивающим математику образцовой наукой и призывающим строить остальные науки по ее образу и подобию. Он отмечал, что «наука учит не фактам, а тому, как обращаться с фактами, чтобы осветить их; учит логике, системе, порядку. Логика и математика – это не науки, а все-таки совершенные методы, лежащие в основе всех наук. Они учат, как правильно моделировать и приводить в порядок любое многообразие. На их основе строится общая методология науки, затем методология отдельных дисциплин» [4, л. 15]. Заметьте, о марксизме ни слова. Конечно, в данном случае он писал о методах: о систематике и классификации, которые рассматривал в качестве основы всякой науки, отмечая при этом, что всякая классификация условна [1, л. 5].

В методике полевых исследований С. И. Руденко исходил из того, что, раскапывая памятник, археолог его уничтожает, поэтому он «должен сделать все от него зависящее, чтобы его не винили в ущербе нанесенном науке». Исходя из этого, Руденко предлагал «записывать протоколно весь процесс раскопок», брать все находки независимо от их количества [2, л. 7–7 об.], для установления относительной хронологии археологических объектов соблюдать стратиграфический метод [6, л. 1]. С. И. Руденко считал в изучении вещественных материалов важнейшими аналитический и синтетический методы, а при показе в музейных экспозициях – эволюционный и систематический методы [3, л. 1].

Судьба распорядилась так, что в годы репрессий С. И. Руденко занимался инженерной гидрологией, а в 1944 г. ему была присуждена степень доктора технических наук за работу «Испарения с водной поверхности и расчеты потерь на испарение с больших водохранилищ» [9, л. 97 об.–98]. В 1953 г. он возглавил лабораторию археологической технологии Ленинградского отделения Института истории материальной культуры (с 1959 г. Института археологии) [9, л. 74, 78, 84]. С. И. Руденко был ярким сторонником использования методов точных наук в

разрешении спорных вопросов археологии и, особенно это касалось определения возраста археологических объектов. «Для археологии, науки исторической, определение времени или иных событий в абсолютных величинах имеет первостепенное значение» – писал он. [7, л. 1]. В 1950-1960-е гг. С. И. Руденко полагал, что широкое использование радиоуглеродного, дендрохронологического, палеогеографического, палеомагнитного и других методов точных наук выведет отечественную археологию на новый уровень [5; 6; 7].

Итак, подводя итог анализу теоретических воззрений С. И. Руденко в археологии, можно констатировать, что исследователь не был привержен марксистским догмам. С. И. Руденко всегда придерживался палеоэтнологической парадигмы, согласно которой исследования трех наук: антропологии, археологии и этнографии должны проводиться в комплексе с изучением естественной среды обитания древнего человека. Его эволюционистские взгляды никогда не базировались на концепции одностороннего развития культуры от простых форм к сложным. Они заключались в активном применении сравнительно-исторического метода, который основывался на представлении о том, что социокультурные системы настоящего в различной степени содержат в себе элементы прошлых стадий развития. Исходя из этого, С. И. Руденко полагал, что можно проводить аналогии между социальной организацией современных этносов и древних племен. В 1920-е годы он выступал страстным сторонником сциентизма, популярного среди научно-технической интеллигенции 1920–1930-х гг. Приверженцем математических и естественнонаучных методов в археологии он остался и в 1950–1960-е гг.

Литература

1. ПФА РАН (Санкт-Петербургский филиал архива РАН), Ф. 1004. Оп. 1. Д. 16.
2. ПФА РАН, Ф. 1004. Оп. 1. Д. 19.
3. ПФА РАН, Ф. 1004. Оп. 1. Д. 20.
4. ПФА РАН, Ф. 1004. Оп. 1. Д. 21.
5. ПФА РАН, Ф. 1004. Оп. 1. Д. 88.
6. ПФА РАН, Ф. 1004. Оп. 1. Д. 91.
7. ПФА РАН, Ф. 1004. Оп. 1. Д. 92.
8. ПФА РАН, Ф. 1004. Оп. 1. Д. 199.
9. РА ИИМК (Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН), Ф. 35. Оп. 5. Д. 262.
10. Васютин, С. А. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования) [Текст] / С. А. Васютин, П. К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – 400 с.
11. Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег [Текст] / отв. ред.: А. А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 148 с.
12. Китова, Л. Ю. Изучение археологии Сибири эпохи палеометалла в 1920-1930-е годы [Текст]: ав-

тореф. канд. истор. наук / Л. Ю. Китова – Кемерово, 1993. – 22 с.

13. Китова, Л. Ю. История сибирской археологии (1920-1930-е годы): Изучение памятников эпохи металла [Текст] / Л. Ю. Китова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2007. – 272 с.

14. Клейн, Л. С. Российское палеоэтнологическое направление в контексте мировой археологии [Текст] / Л. С. Клейн // Традиции отечественной палеоэтнологии. Тезисы докладов Международной конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения Фёдора Кондратьевича Волкова (Вовка). – СПб.: СПбГУ, 1997. – С. 49-52.

15. Косвен, М. О. Матриархат. История проблемы [Текст] / М. О. Косвен. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 330 с.

16. Лебедев, Г. С. История отечественной археологии. 1700-1971 гг. [Текст] / Г. С. Лебедев. – СПб.: Изд-во С. – Петерб. ун-та, 1992. – 464 с.

17. Литература о биографии и научных исследованиях С. И. Руденко [Текст] // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег / отв. ред. А. А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 105-113.

18. Матющенко, В. И. Историческая интерпретация археологического источника в трудах археологов-сибиреведов (на примере творчества С. И. Руденко, М. П. Грязнова, С. В. Киселева) [Текст] / В. И. Матющенко, О. С. Свешникова // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А. А. Формозова) – М.: ИА РАН, 2004. – С. 48-57.

19. Платонова, Н. И. «Дело» Сергея Ивановича Руденко: 1930-1957 [Текст] / Н. И. Платонова // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию к.и.н. А. А. Формозова. – СПб.: Изд-во С. – Петерб. ун-та, 2003. – С. 126-138.

20. Решетов, А. М. С. И. Руденко – антрополог, этнограф, археолог [Текст] / А. М. Решетов // С. И. Руденко и башкиры. – Уфа: Гилем, 1998 – С. 5-25.

21. Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях [Текст] / отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – 384 с.

22. Руденко, С. И. Искусство скифов Алтая [Текст] / С. И. Руденко, Н. М. Руденко. – М.: Изд-во ГМИИ им. А. С. Пушкина, 1949. – 91 с.

23. Руденко, С. И. Горноалтайские находки и скифы [Текст] / С. И. Руденко. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 267 с.

24. Руденко, С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время [Текст] / С. И. Руденко. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 385 с.: табл.

25. Руденко, С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время [Текст] / С. И. Руденко. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.: табл.

26. Руденко, С. И. Искусство Алтая и Передней Азии (сер. I тыс. до н. э.) [Текст] / С. И. Руденко. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. – 67 с.: табл.

27. Свешникова, О. С. Историческая интерпретация археологического источника в отечественной археологии (конец 1920-х – середина 1950-х гг.) [Текст] / О. С. Свешникова: автореф. канд. истор. наук. – Омск, 2006. – 26 с.

28. Тихонов, И. Л. Палеоэтнологическая школа в Санкт-Петербургском университете (этапы формирования) [Текст] / И. Л. Тихонов // Археология Сибири: историография. Межвед. сб. науч. тр. / под ред. В. И. Матющенко. – Омск: ОмГУ, 1995. – Ч. 1. – С. 43-67.

29. Тихонов, И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки [Текст] / И. Л. Тихонов. – СПб., 2003. – 332 с.

30. Тишкин, А. А. Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая: учеб. пособие [Текст] / А. А. Тишкин, П. К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 238 с.

31. Шмидт, О. Г. Археологические исследования С. И. Руденко в Северной Евразии [Текст]: автореф. канд. истор. наук / О. Г. Шмидт – Барнаул, 2006. – 24 с.